

УДК 82-1/9
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**О СВОЕОБРАЗИИ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКИИ
(на примере творчества Д. Насунова и Р. Ханиновой)**

Д. Ю. Топалова (Зумаева)

Активные творческие контакты, тесные литературные связи и взаимодействия — черты, характерные для современного литературного процесса. Положение «на границе культур» исследователями оценивается как наиболее плодотворный способ мировосприятия. При диалогической встрече двух культур, по словам М. М. Бахтина, «каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин 1979: 56], порождая новые смыслы.

В процессе взаимодействия национальных литератур особая роль принадлежит русскоязычным авторам (представителям разных национальных культур, создающим свои произведения на русском языке), что определено их причастностью к разным культурам, и, соответственно, к разным моделям мироздания. В калмыцкой литературе русскоязычная традиция образует заметный пласт. Она представляет собой «промежуточное» явление, находящееся на «пограничье» между калмыцкой и русской литературами и шире — культурами. В рамках данной статьи предпринята попытка исследовать динамику развития современной русскоязычной поэзии Калмыкии как одного из значительных явлений в литературном процессе республики и определения общих проблем ее развития.

Традиция русскоязычного литературного творчества Калмыкии уходит корнями в 1920–1930-е гг., когда закладывались основы многонационального литературного развития, разворачивалась широкая переводческая деятельность. В развитии калмыцкого русскоязычного художественного творчества можно выделить три этапа: 1920–1940-е гг. (А. М. Амур-Санан, С. Балыков, Г. Мушаев и др.), 1957–1970-е гг. (Д. Насунов, Д. Н. Кугультинов, Т. О. Бембеев и др.), с начала 1990-х гг. и до наших дней (В. Н. Лиджиева, Р. М. Ханинова, О. Л. Манджиев и др.). Становление худо-

жественного русскоязычия не носит случайный характер. Каждый из этапов истории калмыцкой русскоязычной литературы обусловлен общественным развитием республики и этнической культуры. По сути, они являются зеркальной проекцией «поворотов» социально-исторического процесса в калмыцком национальном сообществе и отражают эстетические идеалы, характерные для каждого конкретного периода в жизни этноса. Специфичность русскоязычной традиции в национальной среде определяется своеобразием этнической культуры.

Среди русскоязычных литераторов творчество известного в Калмыкии поэта Джангра (Виктора Ивановича) Насунова¹ (1942–1979) особенно отличается опорой на «национальное начало». Д. Насунов — яркий представитель творческой интеллигенции 70-х гг. XX в. Для русскоязычной поэзии Калмыкии его творчество стало настоящим открытием. Поэтическое слово автора, раскрепощенное и освобожденное от идеологической зависимости, — характерная черта калмыцкой литературы 1970-х гг., в которой прослеживается духовная общность поэта и читателя, объединенных пониманием непреходящих ценностей культуры.

То, что Д. Насунов создавал свои произведения на русском языке, объясняется объективными историческими и жизнен-

¹ Джангр Насунов — литературный псевдоним Насунова Виктора Ивановича, избравшего в качестве такового имя главного героя калмыцкого героического эпоса «Джангар». Обращает на себя внимание выбор формы написания имени, который связан со стремлением отобразить в орфографии орфоэпические особенности калмыцкой речи: в современном калмыцком языке принято написание имени главного героя эпоса «Жаңгр», в русскоязычной транскрипции — написание «Джангар».

ными условиями². В его стихотворениях заговорило «сибирское поколение» калмыков, волею истории переживших насильственную депортацию, родившихся и выросших вдали от родины, а значит — вне родного языка. Учеба в русскоязычной школе, а затем в институте, смешанный брак родителей (отец — калмык, мать — русская) — все эти условия, в принципе, типичные для многих русскоязычных авторов, оказались решающими в выборе языка творчества поэта. То, что поэт не писал на родном языке, переживалось им как глубокая, значительная драма. Остро переживая свою ментальную раздвоенность, Джангр Насунов нес в себе и отстаивал со свойственным ему упорством свою национальную идентичность. Это было внутренним нервом его поэтических откровений. Именно поэтому такие доминантные архетипы его произведений, как образы степи, коня, тюльпана, полыни и т.д., являлись для поэта не просто символикой национального бытия, внешним, материальным миром вещей, окружавших степняка-калмыка. Он мыслит этими категориями, выражает через них целостность кочевого времени-пространства, отражает «свое отношение к явлениям жизни» [Гармаева 1988: 14]. Они имели для него сокровенный смысл. «Глубокое проникновение в народнопоэтическую мысль — безусловная заслуга художника, который сумел извлечь смысл народной мудрости и растворить его в своей поэзии» [Салдусова 2009: 510].

Д. Насунов быстро приобрел творческую известность, а вместе с ней возникли трения с околосредовыми кругами и некоторыми представителями партийно-

² В. И. Насунов родился в 1942 г. в Калмыцкой АССР. В 1943 г. в результате принятия противозаконных актов семья Насуновых подверглась насильственной депортации в восточные районы страны вместе со всем калмыцким народом. Детство и школьные годы будущего поэта прошли в Новосибирской области. В 1957 г. после восстановления автономии Калмыкии семья вернулась на родину (отец к тому времени умер), где 15-летний Виктор был вынужден прервать учебу в школе, которую окончил заочно, и приступить к работе. В 1960-е гг. принимал участие в семинарах и совещаниях молодых писателей в Москве. Первая книга стихотворений вышла в 1971 г., когда Д. Насунов обучался в Литературном институте имени А. М. Горького.

государственной элиты республики: поэт осуждали за то, что он был слишком «резок», но, самое главное, за то, что не писал на родном языке. Именно по этой причине его произведения ни в конце 1970-х гг., ни после так и не получили официального признания, а дорога в Союз писателей оказалась для него закрыта.

Стоит заметить, что тенденция к рассмотрению именно языка в качестве главного и определяющего признака национального автора сохраняется и сегодня. Несмотря на то, что русскоязычная поэзия Калмыкии представляет собой значительное явление в культурной жизни республики и является, собственно, «знаком времени» [Дампилова 2010], она остается явлением малоизученным и в определенной степени малопонятым. Эта литература не имеет, так сказать, своего «паспорта», незаслуженно забыта в литературных курсах средней и высшей школы. Активно продуцируется мнение, согласно которому произведения, написанные не на родном языке, не должны быть включены в калмыцкую национальную литературу. Явление русскоязычной литературы рассматривается как нечто вненациональное, вторичное, находящееся на периферии — своего рода «отрезанный ломоть» [Барабаш 2000: 4]; русскоязычная поэзия «в силу незнания или недостаточного владения родным языком ее авторами» якобы провоцирует размывание национальной самобытности, истинно национальных художественных традиций. При этом «игнорируется аксиома, что дух, душа народа могут отражаться и средствами иного, неродного языка» [Ханинова 2012: 3].

Русскоязычное искусство слова обладает множеством специфических особенностей, обусловленных, как мы уже отмечали, ситуацией «пограничья». Калмыцких национальных поэтов, пишущих не на родном языке, но не отошедших от родной калмыцкой культурной традиции, можно отнести к представителям двух культур, при этом генетически принадлежащих родной литературе. К этому направлению относится и русскоязычное творчество Риммы Михайловны Ханиновой, члена правления союза писателей Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), члена Союза писателей России (1998 г.), одного из самых ярких представителей современного русскоязычного литературного процесса в Калмыкии.

Поэты Д. Насунов и Р. Ханинова принадлежат к разным поколениям. Творческое русскоязычие первого автора обусловлено, как уже отмечалось, его индивидуальной биографией, формированием личности будущего поэта в интернациональной семье, социализацией вне лона родной культуры, обычаев, традиций, национальной этики и т. д. В данном случае можно констатировать бикультурность творческой личности.

О бикультурности можно говорить и в отношении творчества дочери классика калмыцкой литературы, Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981), — Р. М. Ханиновой, продолжателя поэтической династии. Однако от поэта Д. Насунова — профессионального литератора, окончившего Литературный институт им. А. М. Горького, Р. Ханинову отличает приоритетное владение русскоязычной литературной системой и формой, учитывая то, что она — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, вузовский преподаватель, специалист по русской и калмыцкой литературам XX века. Выбор русского языка был подготовлен самим процессом духовно-эстетического формирования и жизненного становления поэта-филолога, который всегда находился и находится в контакте с русской классической литературой и культурой³.

Если в 1970-е гг., в период активных социально-экономических преобразований в республике, сознательной и целенаправленной политики по национальному возрождению, невладение калмыцким языком для Д. Насунова было одной из главных проблем и даже причиной душевных переживаний, то в 1990-е гг. для Р. М. Ханиновой этот вопрос не является существенным. Автор — представитель пассивного билингвизма, при котором индивид понимает родной язык, но не создает на нем свой текст. Она осознанно выбрала

³ Р. М. Ханинова получила высшее образование, обучаясь на филологическом факультете Калмыцкого госуниверситета (специальность «филолог, преподаватель русского языка и литературы»), затем проходила стажировку и обучалась в аспирантуре филологического факультета в Ленинградском госуниверситете. Тема диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук — «Своеобразие психологизма в рассказах Всеволода Иванова (1920–1930-е гг.)».

в качестве основы творчества язык межнационального общения, руководствуясь при этом личными интересами, тенденциями развития общества, желанием рассказать миру о судьбе и культуре своего немногочисленного народа и т. д. Вместе с тем поэт не отказывается и от родного языка, предполагая для себя его дальнейшее постижение. Владея родным языком, Р. Ханинова занимается переводческой деятельностью, в частности, публикует произведения отца-поэта в своем переводе⁴.

Становление Риммы Ханиновой как поэта пришлось на 1970-е гг. Стихи начала писать с детства, продолжила творческую деятельность в университете. Первые публикации в прозе («Сургаль», «Братья сели в чудесное седло сургали») относятся к 1972 г., в поэзии — к 1989 г. В 1993 г. увидел свет ее дебютный сборник «Зимний дождь», год спустя — «Взлететь над мира суетой». В сборнике калмыцкой женской поэзии «День влюбленных» (1997 г.) ее стихи составили раздел «Шепчущий мост». В 2002 г. появился совместный с отцом сборник стихов, поэм и переводов «Час речи», посвященный памяти М. В. Хонинова, в 2005 г. — сборник стихов, поэм, эссе «На перекрестках Софии и Веры...» в соавторстве с критиком Ильей Ничипоровым. Р. М. Ханинова — автор книжек стихов для детей⁵. В 2011 г. в журнале «Теегин герл» опубликована ее первая пьеса «Легенда о джангарчи» (2008), вторая пьеса «Небожитель и младенец» была опубликована в 2009 г., в 2010 г. увидела свет ее поэма «Справедливый И». Неоценимым вкладом в калмыцкую литературу стали ее переводы произведений М. В. Хонинова.

Обращает на себя внимание особое отношение Р. Ханиновой к проектам книг — от формирования внутренней структуры, отбора произведений до внешнего оформления. Поэт скрупулезно формирует сборники, выделяя тематические разделы и цик-

⁴ В переводе Р. М. Ханиновой опубликованы поэмы М. В. Хонинова «Почему у Совы нет ноздрей» (1998), «Сказание о калмычке» (1998–1999), «Чигян — пища мира» (2005), «Мой путь». (2006), а также стихотворения («Веревка-няня», «Седло», «Стану красным тюльпаном», «Три ответа» и др.).

⁵ «Умная мышка» (2002); «Буква А» (2010), опубликованы в библиотечке журнала «Байр».

лы⁶. Р. Ханиновой свойственно и бережное отношение к датировке своих произведений. Как отмечает А. А. Бурькин, для нее это «не просто хронология (реже топонимика) создания, а важный элемент рамочной конструкции в интерпретации текста» [Бурькин 2005: 100].

Поэт Джангр Насунов впервые начал печататься в местной периодике, затем в столичных журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Юность», «Аврора», «Волга», в альманахе «Родники», его произведения вошли в антологию молодых писателей РСФСР, вышедшую в Киеве на украинском языке под названием «Березова криница» («Березовый колодец»); первые публикации Д. Насунова в прозе, как и Р. Ханиновой, относятся к началу 1970-х гг. («Самостоятельное решение», «Ботхн», «Адьян», «Мой брат Ваня, нам счастья не дано...» и др.).

Перу Д. Насунова принадлежат четыре поэтических сборника. Два изданы при жизни: «Голоса расстояний» (1971 г.), «Поселенцы» (1977 г.) и два — посмертно: «Полет копьей» (1980 г., отв. ред. О. Л. Манджиев) и «Тамариск» (1982 г., сост. Д. Б. Пюрвев). Если книгам Р. Ханиновой свойственен тематически-хронологический принцип построения произведений, то в сборниках Д. Насунова, на первый взгляд, не прослеживается столь четкая структура, но выявляется следование тематическим принципам. Сборник «Голоса расстояний» строится по принципу включения автором избранных произведений, при этом доминирует национальная проблематика. В сборнике «Поселенцы», посвященном памяти первого учителя будущего поэта, преподавателя русского языка и литературы М. Т. Симоновой, выделяются тематические блоки (неравноценные по объему), посвященные сибирскому детству, войне и национальной культуре.

Книга «Полет копьей» включает избранные стихотворения, преимущественно по на-

⁶ Так, дебютный сборник «Взлететь над мира суетой» включает в себя шесть разделов: «Автопортрет», «Талисман», «Подкова над отчим порогом», «Автограф», «Ночная трава», «Наследство»; разделы подразделяются на тематические циклы — к примеру, раздел «Талисман», связывающий воедино мир Запада и Востока, включает цикл «Восточные мотивы», а раздел «Наследство» составляют циклы «По мотивам индийских легенд» и «По мотивам индийских басен» и т.д.

циональной проблематике. Среди них такие «программные» произведения Насунова, как «Джангарчи», «Сказка о льстивом тайше, жестоком хане и самой Справедливости», «Рандул и Галдан», не вошедшие в прижизненные сборники поэта. В сборнике «Тамариск» разделы специально не обозначены, но произведения можно объединить в тематические группы, исходя из анализа самих тем и мотивов произведений. Книга начинается со стихотворений на степную тематику («Степь и люди», «Гюльпан», «У нас в степи капризная погода...», «Тамариск» и т.д.), далее следуют стихи на военную тему, третью группу составляют произведения, связанные с национальным миром, духовно-нравственной проблематикой, актуальной для 1970-х гг. темой дружбы народов и т.д. Заканчивается книга восьмистишиями и произведениями, основанными на материале устного народного творчества («Джангарчи» и др.). Необходимо отметить: если в трех книгах Д. Насунова встречаются повторные публикации отдельных поэтических произведений, то в «Тамариск» вошли не опубликованные ранее стихи: «Помню дождь в березовом лесу...», «Стрела лихая зависти и злости...», «Нет от друга ни слова, ни строчки...», «Искал себе женщину лучше...», «Узором никого не удивить...» и мн. др.

Поэтическим произведениям Джангра Насунова присущ и эпический размах, и глубокий драматизм, воздействующий на читателя эмоциональной и образной насыщенностью. Их главные черты — предельная искренность, исповедальность, задушевность, завораживающая простота и в то же время глубина поэтической мысли. В них есть дыхание. Насунов — художник преимущественно лирического склада. Как лирический поэт, он особо тяготеет к жанру баллады («Баллада о блудном сыне», «Баллада о спасителях», «Баллада о партизанке Тамаре Хахлыновой», «Баллада о верности» и др.)

На сегодня одной из определяющих черт русскоязычной поэзии Калмыкии является ее элитарность, интеллектуальность, ориентация на эрудированного читателя, теснейшая связь художественного начала с началом философским. Особенно ярко данная черта проявляется в поэзии Риммы Ханиновой. В отличие от лирика Д. Насунова, характерной чертой ее творчества является именно философичность. Поэтому Р. Ханинову можно с полным основанием назвать

поэтом-мыслителем, поэтом-философом, по-своему продолжающим традиции философского направления калмыцкой поэзии XX в., представленной прежде всего художественным наследием Давида Кугультинова. Практически каждое ее стихотворение насыщено ассоциативными связями, культурными реалиями, метафорами и требует от читателя определенной интеллектуальной подготовки, т. е. отличается способностью передавать то, что можно назвать «умными чувствами». Именно поэтому среди характеристик поэзии Риммы Ханиновой, данных критиками, встречаются следующие: «ищущая, экспериментальная», «расширяющая кругозор и дающая пищу для работы ума» [Пюрвеев 1998: 3].

Богатство творчества Р. Ханиновой, очарование поэтического стиля проявляются также и в необычном органичном сочетании европейской и восточной традиций, Запада и Востока. Такой сплав делает ее поэзию одновременно и традиционной, и новаторской. Так, мифологическое наследие, культурно-философские парадигмы Востока с его мудростью, изысканностью и утонченностью формы высказывания («По мотивам буддийских притч», «По мотивам японских сказок», «По мотивам японских преданий», «Восточные мотивы» и др.) соседствуют в ее стихотворениях с европейскими каноническими жанрами и стилевой традицией (рондо, стансы и др.). Обращение к буддийской аксиологии скрепляется символическими библейскими мотивами, знанием мифологического наследия разных народов (поэмы «Формула судьбы», «Древние метаморфозы» и др.). Приобщению к мировой и русской классике (Сенека, Петрарка, В. Гюго, Д. Байрон, А. Пушкин, Ф. Тютчев, А. Блок, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.) сопутствует и следование традициям калмыцкой народной лирики, творчества предшественников. Все это способствует формированию таланта Ханиновой, нестандартности ее поэтического образа, расширению поэтического диапазона. Ярким примером органического синтеза Востока и Запада может послужить поэма «Час речи», в которой, по мнению В. В. Колчанова, «есть аллюзии, контаминации разного рода (эпитафия “Младенцу” А. Пушкина, космическая лирика И. Бродского) в национальных космологических координатах эпоса “Джангар”, экзотического с точки зрения европейца» [Колчанов 2003: 4].

Еще одно важное свойство художественного мира Р. Ханиновой, отличающее ее от Д. Насунова и других калмыцких русскоязычных поэтов, — диалогичность, основанная на интертекстуальности. Русская и мировая литературная традиция присутствует в ее поэзии на уровне сюжетно-композиционных сближений, скрещивания, контаминации текстов, зеркального отражения словесных выражений, то есть явных или скрытых цитат, эпитафий, реминисценций, философских аллюзий, сознательных стилизаций, вариаций и других форм интертекстуальности. При этом интертекст никогда не является для нее буквальным повтором оригинального текста. В своем творчестве автор всегда «соблюдает преемственность поколений» [Атанасова 2007: 134], «демонстрирует осознание, принятие и воплощение основного закона поэзии: всякий поэтический текст есть память о поэтических произведениях, созданных до него...<...> ее поэзия чужда вторичности, прозрачной цитатности, наивной интертекстуальности» [Фокин 2005: 179].

Общий круг авторов, которые становятся полем, центром интертекстуального «излучения», широк. Это, в первую очередь, диалог с отцом. Р. Ханинова прямо апеллирует к его стихам, разворачивая, как отмечают исследователи, заданные им темы, идеи и образы, творчески развивая их в своих стихотворениях, поэмах, вплоть до книг-диалогов: «Час речи» (2002), «Стану красным тюльпаном» (2010). Это также диалог «со всей евразийской цивилизацией» (циклы «Аксиомы», «Древние метаморфозы» и др.), с предшествующей русской поэтической традицией, диалог с Востоком («В тени Конфуция», «Буддийский пантеон»), диалоги поэта и литературоведа (книга «На перекрестках Софии и Веры») и т. д. При этом организующим началом всего перечисленного является евразийское мышление, над всем этим «стоит диалог Востока и Запада» [Дампилова 2010: 204].

На современном этапе одной из характерных особенностей калмыцкой русскоязычной поэзии является ее плодотворное взаимодействие с фольклором, освоение традиций устного народного творчества. Стихотворение Д. Насунова «Джангарчи» основано на осмыслении народного исторического поверья о магической силе калмыцкого героического эпоса «Джангар»,

в частности, о воздействии, оказываемом сказителем на природные явления. В произведении прослеживается устойчивая сюжетная линия, намеренно сохраняются все элементы, присутствующие в древней легенде о старике, попавшем ночью в открытое море и спасшемся благодаря исполнению песни эпоса: мотивы хтонического существа (рыба, за которой рыбаки отправились в море), потустороннего мира (возможность их гибели в открытом море) и символической инициации, связанной с даром джангарчи-старика, исполнением им волшебной песни из великого эпоса. В своем освоении фольклорных традиций Д. Насунов следует народным мотивам. Однако, сохраняя традиционную сюжетную канву предания, автор вводит в произведение конкретно-исторические имена (хан Аюка), географические координаты (Каспийское море, Лагань, Мангышлак и т. д.), упоминает о прославленной каспийской рыбе и французском вине и т. д., тем самым обогащая лирическую картину реалиями из жизни калмыков. В произведении «Земля моя легендами богата...» поэт, ссылаясь на легенду, якобы поведанную ему джангарчи, рассказывает о том, как в небе появились звезды: когда в небесах еще не было ни одной звезды, влюбленный юноша зажег для любимой девушки огромный костер. Искры от него устремились в небо. Так возникли звезды. Относительно приведенной поэтом легенды Р. М. Ханинова, ссылаясь на фольклориста Д. Э. Басаева, упоминает другую известную калмыцкую легенду — «Звезды-пуговицы», и справедливо замечает, что в данном случае обращение Джангра Насунова к устному народному творчеству стало «точкой отсчета в авторской интенции», а легенда, на которой основано стихотворение Д. Насунова, «нигде не зафиксирована», поэтому ее «атрибуция не может быть пока установима» [Ханинова 2012: 68].

В освоении репертуара устного народного творчества Д. Насунов приближается и к такому взаимодействию с традицией, когда все средства фольклора служат непосредственному выражению собственных идейно-художественных задач. Так, сюжетные перипетии «Сказки о лстивом тайше, жестоком хане и самой Справедливости» сопровождаются раздумьями о реальной злободневной общественно-политической жизни, о метафизике власти, раздвигая го-

ризонты социально-художественных обобщений, скрытых за фольклорной темой.

Органическая близость к фольклору характерна и для творчества Р. Ханиновой. Поэт серьезно работает над изучением устного творчества народа, «снабжает свой текст комментариями к буддийским <...> реалиям, традициям и обычаям калмыков, к малым афористическим жанрам» [Петрова 2002: 109]. Произведения этого ряда не являются простым переложением фольклорного материала, обнажая дар поэта переплавлять, творчески перерабатывать народные традиции в оригинальное искусство. Ярким примером могут послужить поэтические циклы «Ключи разума», «Калмыцкий праздник» и поэмы «Час речи», «Все движет Женщина-Любовь», «Солнечный Лев», объединенные «темой историко-культурной преемственности» [Бурыкин 2005: 108].

Творческая инициатива автора обнаруживается в тех дополнениях, которые он вносит в содержание произведений. В одних случаях Ханинова, по сути, не меняет саму фольклорную модель, сохраняя фольклорные элементы их первородном виде, в том же эстетическом значении, которое они имели, но при этом вносит свои нюансы, делает сюжеты более динамичными, расширяет композиционный и художественно-изобразительный уровни текстов и т. д. Ей не свойственно простое переложение первоисточника. Так, в цикле «Ключи разума», «соразмышляя» древним изречениям, поэт как бы вбирает в себя опыт накопленной человеческой мудрости, пронизывает его собственной оценочностью, выражает собственную позицию, свое мироощущение. В поэмы привносятся новые сюжетные линии, дополнительные действующие лица, трансформации, сообщающие новые качества и свойства, которые укрупняют, обогащают идейно-художественное содержание. Автором проводится огромная работа по переработке и компоновке материала различных сказок, существенно изменяется композиция, по-иному осмысляются и соответственно формируются образы. Так, в поэму «Все движет Женщина-Любовь» на основе сказки «Субсутай» автор включает калмыцкую легенду о Хане Времени, сказку «Три мудреца», космогонический миф о созвездии Плеяд, новых героев (например, зурхачи-астролог), пословицы, поговорки, загадки, харалы и т.д.

Если для творчества Д. Насунова характерна органичная связь именно с калмыцким фольклором, то в поэзии Р. Ханиновой происходит осмысление мифов и легенд народов мира, при этом работа поэта над фольклорным материалом многогранна. Она органично взаимосвязана с детской темой (цикл сказок «По мотивам сказок народов мира»), с трансформацией буддийских басен и притч (поэтический цикл «Наследство» 1994 г.), с интересом к культурному, мифологическому наследию Востока (поэма «Формула судьбы» 2001 г., написанная по мотивам сказки «Игра в шахматы»), с осмыслением «всей евразийской цивилизации на протяжении ее многовековой истории» [Бурыкин 2005: 110] («Древние метаморфозы»).

Возможности успешного сочетания традиций, синтеза нового и традиционного в русскоязычном творчестве Р. Ханиновой наблюдаются и в использовании «микрофольклорных произведений» (У. Б. Долгат). Ткань произведений автора расцвечена мудрым словом пословиц, поговорок, загадок, значение которых приводится автором в примечаниях. По словам акад. Г. Н. Волкова, «развернутые примечания — это еще одна книга в книге» [Волков 2005: 15]. Обращение к сокровищнице устной поэзии не только обуславливает поэтическое своеобразие, но и углубляет художественный образ, усиливает смысловое значение произведения, выполняет сюжетобразующую функцию и утверждает философское содержание авторского замысла. Синтез современной формы с традиционными национальными воплощается в жанровом своеобразии: стихи-йорялы, стихи-маггалы, жанр миниатюры, в частности, четверостишия, притчи, прозапоэзия и т.д. (об этом писали М. П. Петрова [2002], А. А. Бурыкин [2005, 2005а], И. Б. Ничипоров [2005, 2005а и др.], К. А. Джушкинова [2002] и др.).

Связь поэзии Ханиновой с фольклором неразрывна и органична, приобщение к духовному богатству народа составляет ее внутреннюю сущность, на что, безусловно, оказал влияние художественный опыт М. В. Хонинова. Активное использование русскоязычным поэтом различных жанров, сюжетов, приемов и форм, образов фольклора способствует утверждению преемственности в развитии национальной художественной культуры.

В целом истоки интенсивного развития калмыцкой русскоязычной поэзии находятся в тесной органической связи традиционных основ и новаторских исканий. В результате расширяется тематика стихотворных произведений, расширяется жанровый диапазон лирики на основе литературных форм, обусловленных экстравертной природой европейского художественного мышления.

В этом аспекте большой вклад в поэзию внесла Р. М. Ханинова, проложив дорогу новым для калмыцкой русскоязычной традиции литературным жанрам и формам: афористические четверостишия, рондо, стансы, басни, притчи, стихотворение-разговор, стихотворение-диалог, пародия, стихотворные циклы, прозапоэзия, пьесы, книга-диалог и т. д., которые не встречаются у других русскоязычных поэтов — Джангра Насунова или Валентины Лиджиевой.

С 1970-х гг. первостепенным в калмыцкой поэзии остается жанр лирического стихотворения. Жанр поэмы развивается не так интенсивно. Если для калмыцкоязычной поэзии поэма стала подлинным завоеванием, то в современной русскоязычной поэзии поэма как жанр менее популярна, достижения в этой области связаны прежде всего с именем Р. Ханиновой (5 поэм).

Трагедия творчества Джангра Насунова заключается в том, что автор, ушедший из жизни в расцвете лет, не успел многое претворить в жизнь. В жанровом отношении автором дифференцирована одна поэма «Поселенцы», вернее, ее фрагмент. Одни исследователи уверены, что часть текста была вырезана цензурой, другие предполагают, что, поскольку «полностью текст поэмы нигде не опубликован, написана ли она была, в точности неизвестно из-за недоступности архива поэта» [Ханинова 2012: 40].

Среди других жанровых разновидностей преобладают четверостишия и восьмистишия. Четверостишия Р. Ханиновой представляют собой гармонический синтез эмоции и разума, работу души, радость познания и открытия личности. В поэзии Д. Насунова также есть миниатюры (восьмистишия), но иного характера. Скорее, это философские раздумья о жизни и смерти, о жизни, о любви, о добре и зле. Четверостишия же Р. Ханиновой отличаются философско-назидательным, афористическим характером. Для них характерны широта и глубина мыслей, точность и меткость выра-

жения. А. А. Бурыкин сравнивает эти стихотворения с «Вереницей четверостиший» А. Ахматовой, хотя встречаются и образцы, восходящие к монголо-тибетской поэтической традиции.

Наряду с освоением наследия устного народного творчества, поиском новых жанров в современной калмыцкой русскоязычной поэзии стали осмысляться темы родного языка, отношения к культурному наследию и духовному богатству, накопленному предками, а также отражение буддийской тематики, «первооткрывателем» которой стала Р. Ханинова. Буддийская тема представлена в творчестве поэта многожанрово (стихотворения, поэмы, пьесы)⁷. Необходимо отметить, что обращение поэта к данной теме происходило в последнем десятилетии XX века, когда в постсоветском обществе широко развивались процессы возрождения национальных культур. В Калмыкии в это время особое внимание уделялось проблемам возрождения родного языка и восстановления буддийских институтов и культуры в целом. Поэтому к проблемам восстановления религии автор обращается как к составной части процесса воссоздания национальной культуры в целом.

В современном поэтическом русскоязычном творчестве прослеживаются тенденции постоянного обогащения новым содержанием и образными формами всей поэтической системы, включением различных жанров, композиционных построений. В этой связи А. Г. Салдусова, говоря о создании на русском языке интимно-лирической поэзии В. Лиджиевой, Б. Муняновой, разножанровой поэзии Р. Ханиновой, отмечает тяготение авторов «к книжной традиции, что свидетельствует о движении национальной поэзии по горизонтали — вширь, когда в состав поэтического текста активно внедряется мировой культурно-исторический, художественный опыт эпох и народов» [Салдусова 2009: 512]. В этом аспекте показательны творческие поиски русскоязычных поэтов Калмыкии. В своих

⁷ Стихотворения «Монах тибетский пред собой метет...» (1993), «Тибет» (1994), «Обычай предков — сдержанность всех чувств...» (1994), «Чайный куст» (2002), цикл буддийских басен (1994), цикл стихов «Буддийский пантеон» (1994), поэмы «Час речи» (1998), «Солнечный Лев» (1998–1999), а также пьесы «Легенда о первом джангарчи» (2007), «Небожитель и младенец» (2009).

произведениях они стремятся дать ответ на злободневные вопросы с точки зрения человека конца XX века, впитавшего в себя евразийскую культуру. Это вечно живые вопросы жизни и смерти, добра и зла, веры в красоту Слова и духовное бессмертие человека и т.д.

Русскоязычная поэтическая традиция Калмыкии не ограничивается именами, представленными в данной статье, и явлениями, рассмотренными в ней. Остается еще множество вопросов, что обуславливает актуальность и необходимость дальнейшего исследования этого явления в целом.

Источники

- Насунов Д.* Голоса расстояний: стихи; ред. Д. Кугультинов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 62 с.
- Насунов Д.* Полет копья: стихи; ред. О. Л. Манджиев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 60 с.
- Насунов Д.* Поселенцы: стихи; предисл. В. Сидорова. М.: Современник, 1977. 76 с.
- Насунов Д.* Тамариск: стихи; предисл. и сост. Д. Б. Пюрвеев. М.: Современник, 1982. 75 с.
- Ханинова Р. М.* Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1994. 240 с.
- Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Час речи: Стихи и поэмы / Михаил Хонинов; Римма Ханинова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 240 с.
- Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б.* «На перекрестках Софии и Веры...»: стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 256 с.

Литература

- Атанасова Р.* Концепт «душа» в поэтическом мире Риммы Ханиновой (книга «Взлететь над мира суетой») // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. С. 132–134.
- Барабаш Ю. Я.* Вступительные заметки // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. I. М., Наследие, 2000. С. 3–6.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бурыкин А. А.* Обретение идентичности // Теегин герл. 2005. № 4. С. 98–114.
- Бурыкин А. А.* Обретение идентичности // Теегин герл. 2005 (а). № 5. С. 107–114.
- Волков Г. Н.* Этнопедагогический диалог дочери с отцом: размышления о книге «Час речи» Михаила Хонинова и Риммы Ханиновой // Хальмг үнн. 2005. 31 марта. С. 15.

- Гармаева С. И.* Взаимодействие национального и интернационального в бурятской литературе // Новые тенденции в современной литературе Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. С. 3–21.
- Дампилова Л. С.* Поэтические диалоги Риммы Ханиновой в аспекте учитель и ученик // Теегин герл. 2010. № 2. С. 72–78.
- Джушихина К. А.* Роль национально-культурного фактора в речевом поведении билингва (на примере Калмыкии): [Творчество Р. М. Ханиновой] // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (К 360-летию со дня рождения хана Аюки): Мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 20–25 мая 2002 г.). В 2 ч. Элиста, 2002. Ч. 1. С. 57.
- Колчанов В. В.* Ее стихи покоряют... // Хальмг үнн. 2003. 17 июля. С. 4.
- Ничипоров И. Б.* «На перекрестках Софии и Веры...»: о новом поэтическом цикле Риммы Ханиновой // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры...: стихи, поэмы, эссе. Элиста, 2005. С. 89–93.
- Ничипоров И. Б.* Новая жизнь средневекового поэтического жанра («Ключи разума» Риммы Ханиновой) // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры...: стихи, поэмы, эссе. Элиста, 2005 (а). С. 222–225.
- Петрова М. П.* Мир поэзии Риммы Ханиновой // Теегин герл. 2002. № 6. С. 108–110.
- Пюрвеев В. Д.* Свет любви // Известия Калмыкии. 1998. 11 марта. С. 3.
- Салдусова А. Г.* Поэзия // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 497–512.
- Фокин А.* Диалог поэтов в многоголосье культуры: цикл Риммы Ханиновой «На перекрестках Софии и Веры...». «Памяти Бродского» // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизации времен. Мат-лы Межд. конгресса. В 2-х ч. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. Ч. I. С. 179–183.
- Ханинова Р. М.* Предисловие // Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие / Калм. ун-т; Р. М. Ханинова [и др.]; отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста, 2012. 128 с.